

Г.К. АШИН

Дискуссии о структуре власти и структуре элит в США*

На протяжении всей второй половины XX века среди американских политологов ведутся острые дискуссии по вопросу о структуре власти в США. Кто является субъектом власти и субъектом политического управления? Наиболее известные политологи США, такие как Р. Даль, Т. Дай, У. Домхофф, опубликовали книги под сходными названиями на одну и ту же тему: Кто правит? Кто управляет Америкой? [1-4]. К концу века полемика развивалась между тремя направлениями - политическим плюрализмом (власть плюралистична, детерминируется взаимодействием различных групп интересов), элитизмом (власть концентрируется в руках небольшого числа людей, занимающих лидирующие позиции в важнейших социально-политических институтах) и классовым подходом (власть в руках господствующего класса США, представляющего прежде всего финансовую олигархию, владельцев и высших менеджеров крупнейших корпораций).

На практике спектр ответов на поставленный вопрос несколько шире. "Широкий" взгляд позволяет выделить шесть основных точек зрения. 1) Позиция элитистов (иногда их концепцию называют функциональной теорией элиты): власть в обществе осуществляется элитой, т.е. организованным и более или менее сплоченным меньшинством, имеющим в своем распоряжении рычаги власти; причем такое положение вещей - социальная норма (точка зрения Дая). 2) Позиция критических элитологов, согласно которой власть в обществе, в частности в современных Соединенных Штатах и других западных демократиях, осуществляют элитные группы, но это - нарушение демократических прав народа. 3) Позиция сторонников классового подхода, которые считают дихотомию *элита - масса* ложной альтернативой классовому подходу и потому отвергают ее, считая, что власть в обществе (классово-антагонистическом, во всяком случае) осуществляется господствующим эксплуататорским классом владельцев средств производства, что понятие элиты не является необходимым при анализе политической системы, поскольку совпадает с понятием правящего класса. 4) Позиция политологов, которые считают понятие элиты совместимым с классовым анализом общества: элита выступает как "исполнительный комитет" господствующего класса (Э. Карлтон). 5) Плюралистическая концепция, согласно которой понятие элиты, применимое по отношению к недемократическим политическим системам, "не работает" при анализе современного демократического процесса, являющегося результатом взаимодействия и конкуренции между "груп-

*Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект №00-07-78645).

Основные соперничающие позиции

Три главных дискуссионных вопроса	Критические теории элиты	Функциональные теории элиты	Плюралистические теории
Нужны ли сильные независимые элиты в развитых индустриальных странах?	Нет	Да	Нет
Выливается ли наличие сильных независимых элит в эксплуатацию (населения)?	Да	Нет	Да
Управляются ли Соединенные Штаты элитой (элитами)?	Да	Да	Нет

пами давления", выражающими интересы различных социальных слоев, и представляет собой определенный баланс интересов между различными слоями населения и выражающими их интересы "группами давления", или "вето-группами" (Д. Рисмен). Эту позицию можно назвать "радикальным плюрализмом". 6) Наконец, среди плюралистов существует, так сказать, "ослабленный плюрализм", включающий элементы элитизма, или "элитный плюрализм", когда политический процесс рассматривается как состязание и сотрудничество элит, выражающих интересы различных социальных групп (например, лидеры организаций рабочего класса, средних слоев, высшего класса), групп, играющих ведущую роль в основных сферах социальной жизни (политическая, экономическая, культурная и другие элиты; это точка зрения В. Геттсмана и многих других теоретиков элитного плюрализма).

Основные соперничающие позиции были суммированы американским политологом Г. Кербо следующим образом [5, p. 213] (см. табл. 1).

Теория политического плюрализма, превалирующая в последние десятилетия, претендует быть наследницей демократических философских и политических традиций, связанных с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье, отцов-основателей США (прежде всего Т. Джефферсона, идеологов либерализма XIX века Дж. Милля, А. де Токвиля).

В модели плюралистической демократии ни один класс или группа населения не обладают монополией власти; организации, выражающие их интересы, выступают как "группы давления" на государственный механизм, который рассматривается как бесклассовый. В этой модели "диффузии власти" последняя рассредоточена между всеми социальными группами. Эта концепция отрицает классовую сущность политической власти, представляя государство в современных капиталистических странах с демократическим режимом как выражение воли всего населения.

Плюралистическая теория рисует социально-политический процесс в развитых капиталистических странах как конкуренцию и компромисс между множеством "заинтересованных групп", которые соперничают в разделе "сладкого пирога" - благ и преимуществ, создаваемых системой индустриального и постиндустриального общества. Взаимная конкуренция этих групп, по мнению сторонников указанных концепций, страхует общество против опасности того, что одна из групп станет "доминирующей элитой". Предполагается, что "заинтересованные группы" через свои организации могут влиять на политическую систему, участвовать в социальном контроле и управлении, причем не столько навязывая свою волю другим группам сколько создавая коалиции, блокируя угрозы своим интересам, возникающие как со стороны государственных органов, так и со стороны других групп.

Модель плюралистической демократии претендует на целостное описание "демократического процесса" в современных развитых индустриальных странах, в которых по "техническим" (не по социальным) причинам не может быть осуществлена прямая демократия. Хотя индивидуум не участвует непосредственно в выработке государственной политики, предполагается, что он может вступить в формальную орга.

низацию, способную влиять на правительство в нужном ему направлении. Плюралисты исходят из того, что дифференцированность современного общества, включающего большое число групп (профессиональных, религиозных, этнических, региональных и т.п.), создает потенциал для образования организаций, выражающих их дифференцированные интересы.

Классическими работами по проблемам плюралистической демократии являются труды Д. Трумэна, Д. Рисмена, Р. Даля. Главный современный классик Даль доказывает, что основная аксиома в теории и практике американского плюрализма такова: вместо единого центра суверенной власти нужно множество таких центров, ни один из которых не должен быть полностью суверенным. Он утверждает, что это дает возможность гражданам и лидерам проявить свое искусство мирного улаживания конфликтов. Таким образом, структура политической власти США по Далю - это полиархия, включающая множество центров власти. Подобная полиархия и представляет собой современную модель демократии. Но соответствует ли этой модели политическая система современных Соединенных Штатов? Вспомним, что, по мнению Гегеля, истиной первого порядка является соответствие субъективного знания действительности, а истиной более высокого порядка - соответствие объекта идее объекта, его понятию, его нормативу. Тогда истины первого порядка - это истины политической социологии, а истины второго порядка - истины политической философии. И если бы Даль писал книги по политической философии (дисциплине не нормативной), тогда можно было бы только солидаризироваться с ним. Но Даль претендует на то, что он пишет труды по политической социологии, описывает реальный политический процесс в современных Соединенных Штатах. А вот соответствует ли полиархическая модель политической реальности США - проблема, по которой мнения самих американских политологов кардинально расходятся. Является ли модель плюралистической демократии реализованной в современных Соединенных Штатах или же это - лишь норматив, лишь цель, лишь направление движения, по которому развивается политическая система США?

Как показывали американские политологи У. Домхофф, Р. Уотсон [6-8], а еще раньше и наиболее резко Р. Миллс, лишь незначительное меньшинство американских граждан может оказать влияние на характер и направление внутренней и особенно внешней политики страны. Близкие идеи, причем не по отношению к общенациональному, федеральному уровню, а к региональному, развивал Ф. Хантер в книге "Верховное лидерство США". Исследуя структуру власти в городе Атланта (штат Джорджия), он показал, что все городские заправилы принадлежат к миру финансистов или зависят от него, что они объединены по интересам в несколько клик, которые сговариваются между собой по важнейшим вопросам. Вывод его исследования был однозначным: действительная структура власти в США ущемляет интересы большинства в пользу интересов элиты [9].

Ответ сторонников плюрализма Хантеру не заставил себя долго ждать. Уже известный нам Даль, исследуя структуру власти в Нью-Хейвене (штат Коннектикут), пришел к выводам, прямо противоположным выводам Хантера. Даль исследовал, кто в Нью-Хейвене принимает решения в трех областях управления городской жизнью: 1) в выдвижении кандидатов (от партий) на политические и административные должности; 2) в руководстве городским планированием; 3) в осуществлении руководства народным образованием. Результаты исследования свидетельствовали о том, что в Нью-Хейвене структура власти не пирамидальная, а скорее рассредоточена среди равных групп и индивидов. Хантер же на материалах исследования, проведенного в Атланте, доказывал, что власть во всех наиболее важных областях городской жизни сосредоточена в руках городской элиты - собственников и высших менеджеров промышленных, коммерческих, финансовых корпораций и наиболее высокопоставленных чиновников. По Далю, напротив, получалось, что лидеры в каждой из трех исследуемых им структур Нью-Хейвена не были влиятельны в двух других структурах (только три из 50 выявленных им лидеров были влиятельны во всех трех

структурах: мэра, его предшественника и руководителя городского планирования). Другими словами, лидерство в Нью-Хейвене оказывается, по Далю, специализированным [1].

Интересно, что через пару десятилетий структуру власти в том же Нью-Хейвене вторично исследовал другой американский политолог - Домхофф, написавший по материалам своего исследования книгу "Кто действительно правит?" [10]. Домхофф раскритиковал Дала за то, что тот в своем исследовании жестко развел экономическую, политическую и социальную элиты. Исследуя членство в городских престижных клубах, Домхофф показал, что большинство членов экономической элиты города являются в то же время и членами элиты социальной, делая вывод, что реальная власть в городе (а в нем, как в капле воды, отражается ситуация, существующая в стране) в руках представителей господствующего класса.

С выходом книг "Властвующая элита" Миллса и "Верховное лидерство США" Хантера от либеральных политологов потребовалась модернизация прежних концепция. Ее выражением явилась концепция плюрализма элит, которая признает наличие элит, но доказывает их множественность и соперничество между ними.

Когда насчитывается множество элит, когда их находят в любом социальном слое, общество рассматривается как баланс противоборствующих и взаимодействующих сил, различных групп, причем интересы каждой социальной группы выражает ее элита. При данном подходе понятие "элита" настолько мельчает, что его можно вынести "за скобку" и утверждать, что общество представляет собой баланс "заинтересованных групп" (по терминологии Трумэна) или "вето-групп" (термин Рисмена). Элитарные теории оказались интегрированными политическим плюрализмом. В этих концепциях элиминируется само понятие "правящая элита", хотя они и исходят из элитарных установок. И можно согласиться с К. Прюитом и А. Стоуном, которые пишут о существовании в западной политической науке теорий двух типов: плюрализм I - теории "вето-групп", плюрализм II - теории множества элит [И, р. 116-127]. Различия их явно несущественны: это "чистый плюрализм" (или плюрализм I) и несколько "разбавленный" (плюрализм II).

Промежуточную позицию между элитизмом и плюрализмом пытаются занять и сторонники концепций "неограниченной" социальной мобильности в индустриальном и постиндустриальном обществе, считающие, что та или иная общественная страта, опираясь на свою организацию, в определенный момент может участвовать в осуществлении государственной власти. По существу, перед нами все тот же "ослабленный" вариант плюрализма. Так, сторонники концепций неограниченной социальной мобильности исходят из того, что в современном капиталистическом обществе каждый индивид может относительно свободно переходить из более низкой страты общества в более высокую, в том числе в элиту, а страты последовательно сменяют друг друга у руля государственного правления (что вполне вписывается в концепции как открытого общества, так и политического плюрализма). Однако оппоненты подобных взглядов задают законный вопрос: есть ли возможность подняться в элиту у представителей всех классов или же прежде всего (применительно к США) у белых англасаксов, протестантов из высших классов, чья власть основана главным образом на их богатстве, их позициях в финансах, индустрии, средствах массовой информации, которые получили дорогостоящее образование в частных школах, в элитных университетах, которые являются членами одних и тех же элитных клубов (точка зрения Домхоффа)?

Чем объясняется распространенность и влияние различных вариантов плюралистической идеологии, в том числе элитного плюрализма? В значительной мере тем, что она учитывает определенные реальные процессы функционирования современных форм государственно-монополистической системы в условиях демократических политсистем, подчеркивает усложнение механизма властных отношений, некоторую автономию тех или иных социальных групп внутри господствующего класса. Иное дело, что этим моментам зачастую придается преувеличенное значение,

и вся концепция выступает как утонченная форма оправдания статус-кво. Демократические свободы, по этой теории, обеспечиваются взаимными разногласиями и равновесием элит. Функции "ограничения", "сдерживания" по отношению друг к другу выполняют политическая, экономическая, культурная, военная и другие элиты. Каждая из них представляет собой относительно замкнутую группу, строго охраняющую от "аутсайдеров" свои прерогативы и привилегии. Этот баланс элит объявляется единственно возможным типом демократии.

Разделяя элиты по функциональному признаку, политологи плюралистической школы, естественно, не вскрывают классовую сущность каждой из этих элитных групп; они представляют эксплуататорский класс раздробленным на изолированные, конкурирующие между собой части (финансовая олигархия, политика, генералитет и т.д.), чье соперничество вытекает из "противоположности" функций управления.

Например, С. Келлер утверждает, что в современном западном обществе лидерство принадлежит не одной элите, "а скорее комплексной системе специализированных элит, связанных с социальным порядком и друг с другом различными способами". Магнаты бизнеса, верхушка политиков, выдающиеся деятели культуры - "все они влиятельны, но в разных сферах; различны их ответственность, источники власти, способы избрания. Этот плюрализм элит отражает и поддерживает плюрализм современных обществ" [12, р. 26]. Келлер признает все же, что не все элиты одинаково влиятельны, и предлагает использовать термин "стратегические элиты" в отношении "тех элит, которые получили или добиваются влияния на общество в целом, в противоположность сегментарным элитам". Границы между стратегическими и сегментарными элитами Келлер не считает четко выраженными. Она признает, что тенденция к плюрализму элит противоречит "давно замеченной тенденции" к монополизации власти, но тем не менее настаивает на своем главном тезисе, что в "либеральных плюралистических системах" лидерство осуществляется высокоспециализированными, функционально независимыми элитами.

Как уже отмечалось, Даль сформулировал теорию полиархии - множественности центров власти (а значит, и элитных групп) в демократическом обществе. Демократией он называет систему, в которой власть дисперсна, в противоположность диктатуре - власти немногих, монополизировавших эту власть. Даль утверждает, что хотя политическое влияние в обществе распределено неравномерно, это не означает, что верна "гипотеза об элите", которая представляется "циничной по отношению к демократии". Отрицание правящей элиты он обосновывает тем, что, во-первых, люди, имеющие власть, часто несогласны между собой и находятся в отношениях соперничества, и во-вторых, власть различных групп людей специализирована. Даль вводит понятие "кумулятивного неравенства", уточняющее и объясняющее процесс концентрации и монополизации власти в обществе, когда контроль над одним из ресурсов общества, например политической властью, ведет к контролю над другими видами социальных ресурсов, таких, как богатство, военная мощь и т.д. Казалось бы, оно должно логически вести к признанию правящей элиты. У Даля же все обстоит иначе: защищая современную американскую политическую систему, он утверждает, что она не приводит к "кумулятивному неравенству", сохраняя конкуренцию различных сфер общественной жизни.

Альтернативными по отношению к плюралистическим концепциям выступали, как мы уже говорили, теории классов и классовой борьбы и особенно критические теории элиты. По словам их выразителей, Т. Дая и Х. Цайглера, они "бросили вызов" плюралистам, "поставив под сомнение эмпирическую обоснованность их теории, а тем самым подрывая их претензии на нормативные предписания" [13, р. VII]. Не отрицая того, что в американских правящих кругах существуют различные группы со специфическими интересами, они резонно замечают, что различия между этими группами и группировками касаются частных вопросов, тогда как по основным параметрам, важным для поддержания социально-политической системы, интересы элитных групп совпадают.

Книга Дая и Цайглера "Ирония демократии" сопровождается характерным подзаголовком: "Необычное введение в американскую политику". "Необычность" эта заключается в том, что книга "не основана на плюралистической идеологии", что само по себе для американской политической науки - большая редкость. Нужно отметить, что в критике плюрализма авторы занимают достаточно сильные позиции. Но их позитивная программа достаточно скудна: это не что иное, как консервативно-романтическая мечта о "хорошей", "мудрой", "дальновидной", "высокогуманной" элите. Ответственность за неэффективность политики авторы возлагают на недальновидных политиканов, лидеров, лишенных ответственности перед народом, которые прикрывают теорией политического плюрализма свои эгоистические интересы.

К тому же авторы полемизируют друг с другом. Так, Дай считает, что путем реформ в США можно установить подлинно демократическую систему, при которой каждый участвовал бы в принятии политических решений. Цайглер же, в противоположность Даю, возлагает надежду на систему "просвещенного лидерства, способного сохранить личные свободы и собственность", отмечая при этом, что "хорошо организованное общество, управляемое образованной элитой, предпочтительнее нестабильности массового общества" [13, р. VIII-IX].

Дай справедливо пишет, что плюрализм в американской политологии - апологетическая теория, "пытающаяся доказать демократический характер американского общества... Она развивалась как идеология примирения идеалов демократии с реальностями индустриального технократического общества". Плюрализм рисует "открытую систему лидерства", которая позволяет выходцам из низших классов подняться в верхние слои общества. Дай показывает, что эти утверждения полностью противоречат действительности, что "огромная власть в Америке сосредоточена в руках горстки людей". Но ссылаясь на то, что "Соединенные Штаты не уникальны в концентрации власти в руках немногих" (такое положение существует и в других странах и может считаться нормой), он выводит необходимость элиты из "общей нужды в поддержании общественного порядка" [2, р. 3-10, 143, 148].

С иных, леворадикальных, позиций критикуют теорию политического плюрализма Ф. Ландберг и У. Домхофф. Если бы теория политического плюрализма была состоятельной, отмечал Ландберг, если бы важнейшие политические и экономические решения в США были результатом компромиссов между примерно равными по силе конкурирующими группами и каждая группа принимала бы участие в выработке таких решений, тогда наблюдалось бы гораздо большее равенство между различными группами в распределении денег, влияния, престижа. "Если решения, касающиеся распределения основных экономических средств, принимаются сообща, чем же тогда объяснить, что это распределение столь неравномерно?" - задает вопрос Ландберг. С позиций плюрализма такое положение необъяснимо. Зато оно вполне объяснимо, если признать, что эти важнейшие для страны решения принимает элита США - магнаты финансового капитала и их ставленники на правительственных постах. Причем "почти все попытки представителей других... элит приобщиться к социально-политическим решениям финансово-политической элиты оказываются тщетными... Вся финансово-политическая элита и ее окружение - это сложное переплетение родственных отношений, наподобие тех, которые связывают старейшие аристократические семьи Европы" [14, с. 395, 397].

Ответить на поставленный Ландбергом вопрос пытается и Домхофф, который показывает, как ставленники и менеджеры гигантских банков и промышленных корпораций осуществляют на практике свое господство в США. Он отмечает, что теории политического плюрализма всячески маскируют политический процесс, посредством которого правящий класс осуществляет свое господство над правительством. Не в последнюю очередь из-за подобных концепций, которые широко пропагандируются в США всеми средствами массовых коммуникаций, многие американцы даже не имеют понятия о существовании этого высшего класса. "Плюралисты полагают, - пишет Домхофф, - что различные группы, включая профсоюзы, органи-

зации фермеров, потребителей, защитников окружающей среды, имеют возможность влиять на политические решения... и что нет такого явления, как правящий класс Америки" [7, р. XI, XII, 3, 7]. Подобные утверждения чаще всего представляют собой сознательное искажение действительного положения вещей. В одной из своих книг Домхофф исследует сплоченность правящего класса США, проявляющуюся, в частности, в создании им аристократических частных клубов, куда допускаются лишь "избранные". Важнейшие для страны решения по политическим, экономическим и иным вопросам сначала зреют и обсуждаются в кулуарах подобных элитных клубов и лишь затем проводятся через соответствующие буржуазно-демократические инструменты, становятся достоянием общественности. Таким образом, массы видят только внешнее действие политики, в процессе которого лишь "озвучиваются" решения, принятые действительной элитой в кулуарах. Именно в интересах правящего класса и осуществляется внутренняя и внешняя политика США независимо от смены администраций. Таким образом, грубо попираются права американского народа, который фактически отстранен от формирования политики, отчужден от нее. «Члены этого привилегированного класса, - пишет Домхофф, - как свидетельствуют исследования социологов и журналистов, живут в хорошо охраняемых апартаментах, их соседями являются такие же избранные, они посылают своих детей в частные школы, выводят своих дочерей в свет, посещают клубы для избранных... их называют "патрициями", "брахманами", "аристократами", "бурбонами" в зависимости от того, как давно они разбогатели» [15]. Вот эти-то "избранные", имеющие совершенно отличный от масс доход и ведущие иной образ жизни, и определяют внутреннюю и внешнюю политику США, прежде всего через организации господствующего класса, которые, с одной стороны, маскируют их власть, а с другой - делают ее более прочной (ибо, как отмечают исследователи, власть элиты тем прочнее, чем менее она заметна).

К дискуссии о структуре власти в США. Властвующая элита, или элитный плюрализм, - это центральная проблема в полемике о структуре власти в Соединенных Штатах, которая продолжается больше четырех десятилетий. "Каков характер этой власти?" - задают вопрос политологи Б. и П. Бергеры, исследовавшие эту дискуссию. Справедлива теория властвующей элиты или же многофакторная теория?

В 50-х - 60-х годах по этой проблеме велась полемика между Миллсом и Рисменом, которую подытожил видный американский политолог У. Корнхаузер [16, р. 252-262]. Миллс утверждал, что реальную власть в США осуществляет узкий верхушечный слой, в то время как народ фактически бесправен, не он решает основные политические вопросы. По Рисмену, вопрос, кто властвует в США, носит спорный характер: "ситуация гораздо более неопределенна", чем кажется на первый взгляд. Сущность американской политической системы, подчас искажаемую в реальности, Рисмен видит в распределении власти между различными автономными группами, обладающими правом *вето* в сфере своих интересов. Он считает "упрощенным" мнение радикалов о том, что Америкой управляет Уолл-стрит. Утверждение, что в США правит или должно править меньшинство, он отвергает как марксистский экстремизм (в первом случае) или элитарный аристократический подход (во втором), допуская, однако, что последний был справедлив в прошлом. Несоответствие американской действительности своей схеме он склонен объяснять всякого рода досадными упущениями, расстройством соответствующих механизмов контроля и т.д.

Миллс рисует пирамиду власти в США, включающую три уровня: высший - реальная власть, которая осуществляется властвующей элитой; средний, который отражает групповые интересы, играет второстепенную роль, наиболее заметную в кулуарах Конгресса; наконец, низший - уровень "фактического бесправия" масс. Пирамида власти, рисуемая Рисменом, состоит из двух уровней, соответствующих второму и третьему уровням модели Миллса. Верхний уровень пирамиды Рисмена - "вето-группы", занятые прежде всего защитой своих интересов; низший - "неорганизованная публика". "Вето-группы" стараются не столько командовать "публикой", сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против угрозы ущемления

Модели структуры власти

	Модель Р. Миллса	Модель Д. Рисмена
Уровни власти	А - властвующая элита В - множество групп с различными интересами С - массы, неорганизованная публика практически безвластны	А - отрицает властвующую элиту В - совпадает с Миллсом С- массы, неорганизованный народ, имеющий некоторую власть над группами интересов
Тенденции к изменениям	Растущая концентрация власти	Растущая дисперсия власти
Процесс управления	Одна группа определяет важнейшие политические вопросы	Кто определяет политику, зависит от конкретного вопроса Конкуренция между организованными группами
Последствия	Усиление корпораций, военщины, исполнительной власти Уменьшение значения общественногмнения Безответственность элиты, кризис демократии	Ни одна группа не возвышается намного над другой Утрата интереса к политике Кризис лидерства

своей юрисдикции. Поэтому Рисмен утверждает, что существует плюрализм структур власти, что политическая власть в США представляется ситуационной и подвижной (см. табл. 2).

Миллс приводит огромный материал, свидетельствующий о том, что реальная власть в США концентрируется в руках элиты, отстраняющей от управления страной народные массы. Рисмен отрицает наличие правящей элиты, настаивает на аморфности структуры власти, отражающей разнообразие интересов главных организованных групп (политических партий, профсоюзов, организаций бизнеса, фермерских союзов и т.д.). Он субъективистски подходит к пониманию власти, считая, что главное - не столько материальные возможности и границы власти, сколько психическое состояние: насколько человек чувствует себя сильным или, наоборот, зависимым. "Если бизнесмены чувствуют себя слабыми и зависимыми, они действительно становятся слабее и зависимее безотносительно к ресурсам, которыми они располагают" [17, р. 253].

Чья же модель адекватно отражает американскую действительность? Обе концепции имеют корни в особенностях политической системы современных индустриально развитых стран. Дело в том, что все большая концентрация власти в руках финансовых и промышленных магнатов сопровождается контртенденциями, сопротивлением демократических механизмов политической системы США. При социологическом анализе следует учитывать оба этих аспекта. Важно показать, что современное американское общество элитарно (как и его политсистема) по своей сущности (это удалось Миллсу), но необходимо раскрыть и социально-политический, и социально-психологический механизмы господства элиты (оказавшиеся в фокусе внимания Рисмена и абсолютизированные им). Миллс порой слишком прямолинеен и недооценивает сложных механизмов, используя которые, элита реализует свою власть. Процесс, чью сущность вскрывает Миллс, на поверхности выступает так, как его описал Рисмен. Оба рассматривают один и тот же процесс, но первый - изнутри, второй - снаружи, первый раскрывает его сущность, второй - его внешние проявления.

В 70-е - 90-е годы этот незаконченный спор перерастает в полемику неоэлитистов и теоретиков элитного плюрализма [13, р. 11, 12]. Неоэлитисты рисуют следующую

модель структуры политической власти в США (равно как и в других индустриально развитых странах).

1. Власть вытекает из распределения ролей и позиций внутри социально-экономической системы. Люди получают власть, занимая ключевые позиции в экономических, финансовых, военных и правительственных институтах. Власть находится в руках меньшинства; небольшое число людей распределяет материальные ценности в обществе: массы не определяют государственную политику.

2. Власть "структурна", т.е. отношения власти продолжают существовать во времени независимо от частных изменений в периоды выборов: одни и те же элитные группы продолжают осуществлять власть в обществе независимо от исхода выборов. Для того чтобы сохранить стабильность социально-политической системы, переход в элиту должен быть медленным, длительным, причем только тот, кто принимает основные согласованные правила элиты, допускается в правящие круги.

3. Существует явное различие между элитой и массами. Те немногие, которые управляют, не являются типичными представителями масс, элиты формируются преимущественно из представителей высшего социально-экономического слоя общества. Представители масс могут войти в элиту, только заняв высокий пост в институциональных структурах, причем принимая санкционированные элитой "правила игры".

4. Различие между элитой и массами основано прежде всего на том, что первая контролирует экономические ресурсы общества; индустриальные и финансовые лидеры образуют главную часть элиты.

5. Государственная политика выражает интересы не масс, а элиты. Существует конкуренция на уровне верхушки политической системы; небольшая группа оказывает преобладающее влияние в большинстве секторов американской социальной жизни - индустрии, финансах, военных делах, внутренней и внешней политике.

6. Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения политсистемы такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой. Иначе говоря, элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы, расходясь лишь в частных вопросах.

7. Элита почти не подвержена влиянию масс или подвержена ему в малой степени (через выборы или какие-то иные формы политической активности масс), она может рассчитывать на равнодушие большей части населения.

Сравним эту модель структуры власти в США с той моделью, которую конструируют сторонники теорий плюрализма.

1. Власть - атрибут отношений между индивидуумами, возникающих в процессе выработки решений. Независимо от своей социальной и экономической позиции каждый индивид имеет власть в достаточной мере, чтобы побудить другого сделать то, что иначе тот бы не сделал.

2. Отношения власти не обязательно сохраняются во времени. Сеть отношений власти, формируемая для выработки конкретного решения, может быть заменена другой сетью, когда вырабатывается иное решение.

3. Различия между элитой и массами не четко фиксированы, они могут размываться. Индивиды относительно легко входят в ряды людей, принимающих решения (в зависимости от характера решения, от того, касается ли это решение непосредственно этих людей).

4. Различия между элитой и массами основываются главным образом на заинтересованности в принятии того или иного решения. Лидерство флюидно и мобильно. Доступ к принятию решений может быть открыт через овладение искусством лидерства, информацию о проблеме, знание демократических процедур. Богатство и экономическая власть открывают доступ к политической власти, но это лишь один из путей к ней.

5. Существует множественность элит. Решения достигаются в процессе взаимодействия элит заключением сделок, посредничеством, компромиссами. Люди, реали-

зующие власть через принятие некоторых решений, отнюдь не обязательно имеют влияние при принятии иных решений. Нет элиты, доминирующей во всех областях социальной и политической жизни.

6. Существует конкуренция между элитами. Институты и организации разделяют власть: предполагается, что они соперничают между собой. Хотя элиты обычно разделяют общее согласие относительно "правил игры", они преследуют различные политические цели. Политика - искусство компромисса между конкурирующими группами.

7. Массы могут оказывать значительное влияние на элиты, прежде всего через выборы, через "группы давления". Конкуренция между элитами ведет к их подотчетности массам, хотя какие-то важные решения, затрагивающие жизнь людей, порой принимаются частными элитами, которые могут быть и не подотчетны прямо массам.

Некоторые критики плюрализма утверждают, что он является скрытой формой элитаризма, что плюралисты ближе к элитаристской, чем к демократической позиции. При этом они ссылаются обычно именно на элитный плюрализм, который и рассматривают как вариант элитаризма. Однако если сомнение в демократическом характере элитного плюрализма представляется нам не лишенным определенных оснований, то суждение о том, что элитный плюрализм ближе к элитаризму, чем к плюрализму, кажется ошибочным. Вторая из анализируемых нами моделей современных политических систем убедительно свидетельствует об этом, показывая, что элитный плюрализм - всего лишь вариант плюрализма.

Сравним обе модели структуры власти — элитистскую и плюралистическую. На наш взгляд, первая из них в гораздо большей степени отражает реальности современных капиталистических стран и в частности США. Однако остается нерешенным вопрос, являются ли эти две модели альтернативными, как на этом настаивают многие элитисты и еще более многочисленные сторонники плюрализма.

В ряде существенных аспектов обе эти концепции не альтернативны, а комплементарны. При анализе методологических принципов обеих концепций можно обнаружить их общность в ряде фундаментальных подходов, например в игнорировании классовой сущности политических систем, в изображении государства бесклассовым органом порядка, в утверждении, что народ не способен управлять обществом, что для этого необходимо политически активное меньшинство - элита или элиты.

Канун XXI века - продолжение дискуссии. В 90-х годах, особенно в конце десятилетия и в 2000 году полемика по вопросу о структуре власти и элит США активно продолжается. В ней можно проследить определенные тенденции, которые в своей совокупности составляют ее третий этап.

Постмодернистская эпоха, как правило, требует перехода от крайних точек зрения к попыткам синтеза, рассмотрения их не как альтернативных, но по возможности комплементарных, понимания того, что игнорировать мнение оппонента, считать истинной только собственную точку зрения - значит занять тоталитарную позицию навязывания своей идеологии, подавления взглядов других. Но может быть в ином взгляде, в ином подходе есть зерно истины, которое не следует отбрасывать, а, наоборот, учесть при анализе проблемы? И действительно, в последние годы идут поиски компромиссов, хотя и не всегда последовательных (когда за компромисс выдается всего лишь некоторая модификация старой позиции). Так, в 1991 году вышло новое, дополненное издание книги одного из видных элитологов США С. Келлер "За пределами правящего класса. Стратегические элиты в современном обществе" [18]. В ней, с одной стороны, можно видеть попытку перебросить мостик между плюрализмом и элитизмом с помощью понятия "стратегические элиты" - понятия нужного, выполняющего определенные объяснительные функции. С другой стороны, это - псевдомост между понятием класса и элиты. Идут поиски компромиссов и в плане сочетания принципов элитизма и демократии, стала влиятельной концепция демократического элитизма.

В 90-е годы почти не осталось чистых плюралистов, которые отрицали бы наличие элит в политической системе США, продолжая вслед за Труменом и Рисменом утверждать, что политические решения, принимаемые властями США, - результат компромиссов между группами интересов. Американский социолог Т. Лоуи убедительно показал, что в этих группах интересов формируются свои элиты, которые наиболее активно лоббируют эти интересы. Одним словом, уточняются концепции плюрализма, а не осуществляется синтез его с элитизмом.

Среди сторонников анализа социальной структуры США сквозь призму дихотомии *элита - масса* происходят еще более существенные изменения. В свое время Миллс и Хантер использовали эту дихотомию для показа недемократичности (или во всяком случае недостаточной демократичности) политической системы США, которую они считали элитарной. Кстати, многие американские социологи, исследующие полемику плюрализма и элитизма, ошибочно называют Миллса и Хантера элитистами (правильнее называть их антиэлитистами). Напротив, Дая и Цайглера можно с полным основанием называть элитистами. Ведь для них наличие элиты - норматив любого общества, и Америка в этом отношении не исключение, а пример наиболее эффективной, квалифицированной элиты. Как и Миллс, Дай утверждает, что Соединенные Штаты управляются узкой элитной группой; как и Миллс, Дай - сторонник функционального или позиционного подхода к определению элиты. Наконец, Дай, как и Миллс, критикует плюрализм как ошибочную в целом позицию, во всяком случае применительно к США, не подтвержденную эмпирически.

Но на этом сходство Дая с позицией Миллса заканчивается, и обнаруживаются фундаментальные различия. Если Миллс использовал дихотомию - *элита-масса* в аналитических целях, выступая с позиций обличения американской политики как весьма далекой от идеалов демократии, то Дай исходит из того, что наличие элиты - одно из основных условий организации общества, что нет и не может быть общества без элиты (это означало бы анархию и дезорганизацию), и поэтому вопрос может стоять не о наличии или отсутствии элиты, а о том, является ли она квалифицированной или нет. Наконец, если Миллс выступал с леворадикальных позиций (он был главой новых левых в мире в 50-х - 60-х годах), то Дай занимает консервативные позиции, считая, что элита должна управлять обществом (только высококвалифицированная и тщательно подготовленная, получившая элитное образование).

Наконец, существует и третья позиция по вопросу о характере американской политической системы: утверждение, что в США существует правящий класс, основу которого составляют финансовая олигархия, владельцы и менеджеры крупнейших корпораций, политически управляющие этой страной.

Кто пропагандирует подобные взгляды? В 50-х - 70-х годах это были прежде всего марксисты и неомарксисты Г. Аптекер, Ф. Ландберг, Б. Данэм. Несколько позже близкую точку зрения высказал профессор Калифорнского университета М. Цейтлин. Но наиболее плодотворным и известным автором, опубликовавшим на эту тему целый ряд монографий, является, безусловно, Домхофф, на труды которого мы еще будем ссылаться.

А теперь попытаемся сравнить модели структуры политической власти и элит США, предлагаемые рассмотренными тремя направлениями (см. табл. 3).

Плюрализм стремится сделать теорию демократии более реалистической и видит свою задачу в том, чтобы выявить конкретные механизмы участия граждан в политическом процессе. Его сторонники считают, что это право граждане могут реализовать, вступая в какую-либо существующую группу давления (*pressure group*) или создавая новые подобные группы, тем самым получая возможность влиять на политику. Отсутствие монополии какой-либо элитной группы на власть, существование противоборствующих центров власти, конкурирующих друг с другом, контролирующихся друг друга (полиархическая модель), создает для этого условия и возможности. В американском обществе существует сеть элитных групп с различными программами, которые порой кооперируются друг с другом, иногда борются

**Типология концепций политической власти
(конец XX века)**

	Элитный плюрализм	Неоэлитизм	Концепция господствующего класса
	Р. Даль	Т. Дай	У. Домхофф
Существует ли единый центр власти?	Нет	Да (правящая элита)	Да (господствующий класс)
Уровень сплоченности высшей страты	Невысокий. Элиты специализированы, каждая контролирует главным образом свою область. Конкуренция элит	Высокий. Различия касаются частных вопросов. Когда дело касается фундаментальных интересов системы, конкуренция отходит на задний план. Элита - сплоченная группа, хотя и не закрытая	Высокий. В господствующем классе доминируют богачи из мира крупных корпораций и банков
Политическая ориентация	Преимущественно либеральная	Преимущественно но консервативная	Леворадикальная, неомарксистская
Полезна ли обществу сильная сплоченная элита?	Нет, это опасно для демократии, несет угрозу тирании	Да, при условии, что это квалифицированная, эффективная элита	Нет, это оставляет массы беззащитными, повышает уровень их эксплуатации
Кто является субъектом политики?	Группы интересов	Правящая элита	Господствующий класс

между собой. Власть в обществе представляется диффузной, специализированной. Каждая элита властна в своей сфере, но не во всех сферах жизни. При этом различные элитные группы влияют друг на друга. Эта полиархическая модель привлекательна именно как нормативная модель, она весьма демократична. Однако у нее есть весьма уязвимое место. Главная ее слабость в том, что плюралистическая модель считается реализованной в политической системе США.

Вот эту-то слабость и заметили критики плюрализма. Не отрицая плюрализм как теоретическую концепцию, они показывают несоответствие политической практики США идеальной модели политического плюрализма. Именно в этом несоответствии и обнаруживаются основания для острой критики плюралистов. На огромном эмпирическом материале они показывают, что реально важнейшие политические решения (экономические, социальные, от которых напрямую зависит жизнь миллионов и десятков миллионов людей) принимает небольшая элитная группа (несколько тысяч человек). Причем образ жизни этих людей качественно отличается от образа жизни подавляющего большинства американцев по богатству, по статусу, по степени влияния на исторический процесс.

Рассуждая на уровне политической философии, т.е. делая акцент на нормативность, мы хотели бы отдать предпочтение плюрализму. Но когда плюралисты объявляют, что идеал плюралистической демократии реализован в современных Соединенных Штатах, это не может не вызвать возражений. В описании американской политической реальности, структуры власти в США предпочтение приходится отдать неоэлитистам, которые убедительно показывают, что реальная власть в руках узкой элитной группы, состоящей из нескольких тысяч человек, занимающих руководящие позиции в важнейших социально-политических институтах США.

Но неоэлитисты, на наш взгляд, совершают ошибку, абсолютизируя эту ситуацию, считая ее нормативом, принижая роль неэлитных страт в обществе, прежде всего

народных масс, в социально-политическом процессе. Они негативно оценивают эту роль, возлагая надежды на квалифицированную элиту и видя образец этой элиты в современной элите США. Позиция неоэлитистов страдает существенными пороками: утверждение, что именно элита - решающий субъект политики, означает непонимание того, что в нормативном плане этот тезис противоречит принципам демократии, а вся концепция в целом игнорирует роль народных масс в историческом процессе, утверждает вечность и неизменность существования элиты как привилегированной социальной группы.

Наконец, серьезные аргументы выдвигают и сторонники концепции существования в США правящего, или господствующего, класса. Социальное неравенство объясняется не естественным неравенством человеческих способностей, а тем, что собственники основных средств производства, социального и символического капитала общества составляют господствующий класс. Этот класс занимает привилегированное положение в обществе, контролирует экономику и политику США, средства массовой информации. Защита своих привилегий — приоритетная ценность этого класса.

Очевидно, перед нами - один из вариантов марксистской и неомарксистской интерпретации политического процесса. Указанная концепция также весьма уязвима для критики. Прежде всего не может не вызывать сомнения то, что важнейшие решения по политическим, экономическим, социальным проблемам принимает господствующий класс в целом. Нам представляется, что необходимо развести понятия "высший класс" и "правящий класс". Система элит не совпадает с классовой структурой. Думается, что те или иные решения не может принимать класс *in extenso* (в полном объеме, в своей целостности), это - функция политической элиты. Класс не есть нечто недифференцированное целое, не есть некоторая абстрактная целостность. Интерес правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию - государственный аппарат, политическую партию и т.д.

В структуре класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к части с учетом уровня активности и степени воздействия ее на целое): класс - политически активная часть класса, его авангард - организация класса — лидеры. К политической элите можно отнести наиболее авторитетных, влиятельных и политически активных функционеров этого класса, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию класса, лидеров организаций этого класса, т.е. людей, которые непосредственно принимают политические решения, выражающие совокупную волю класса. Под элитой обычно понимают те специфические группы, которые представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса.

Как видим, понятие "элита" не совпадает по объему с понятием "правящий класс": первое оказывается функционально как бы управленческим "исполнительным комитетом" второго. Эти понятия не совпадают полностью и по содержанию. Политическая элита не состоит только из представителей высшего класса. В современных демократических политических системах последние даже не составляют в ней большинство. Наряду с представителями высшего класса в политическую элиту страны, в частности США, входят представители высшего среднего, среднего классов, а также низших страт общества.

Таким образом, отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Осуществляя управленческие функции, политическая элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу. Выдвигаемая им элита обретает определенную автономию по отношению к этому классу и обычно воспринимается обществом как проводник не узкоклассового, а "всеобщего" интереса.

Вырабатываемая квалифицированной элитой политическая стратегия - это не только выражение интересов высшего класса. Подобная примитивно-эгоистическая политика неминуемо приводила бы к социальным взрывам и гибели системы в целом и прежде всего ее высшего класса. Оптимальная политика, вырабатываемая

политической элитой, - это обычно компромисс (в идеале - консенсус) в отношениях между различными классами и слоями общества, что в долгосрочной перспективе более всего отвечает интересам самого высшего класса, потому что пролонгирует существование и развитие социально-политической системы, ставящей высший класс в привилегированное положение. В рассматриваемой нами концепции - явные следы влияния марксизма, для которого характерно гипертрофирование проблемы классов и классовой борьбы.

Вряд ли можно согласиться с марксистским тезисом о том, что право — это возведенная в закон воля господствующего класса. Если бы это было действительно так, то приводило бы к перманентным социальным взрывам, которые невыгодны в первую очередь высшему классу. Думается, что право, как и политика, - это обычно компромисс, учитывающий (пусть в разной степени) интересы всех основных классов и социальных групп общества и тем самым пролонгирующий существование данной социально-политической системы, ее *status quo*.

Итак, труды политологов, анализирующих роль правящего класса в политическом процессе США и утверждающих наличие этого класса, содержат ряд правильных положений. Но это - не вся правда и не только правда. Собственно, в каждой из рассмотренных нами моделей американской политической системы мы обнаружили и сильные, и слабые стороны.

Завершая анализ основных моделей структуры политической власти и политических элит, хотелось бы предостеречь от окончательных суждений, могущих звучать как приговор. Вопрос о том, кто прав из дискутирующих сторон, не может быть решен абстрактным теоретизированием. Правильность любого решения может быть подтверждена эмпирическими социологическими исследованиями. И при этом как на определенный ориентир следует опираться на понимание различий между подходом политической философии, делающей ударение на нормативности, и подходом политической социологии, в фокусе внимания которой - описание наличного социального процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Dahl R.* Who Governs? Democracy & Power in an American City. New Haven, 1961.
2. *Dye T.* Who's Running America? The Clinton Era, 5-th ed. New Jersey, 1995; 6-th ed. 2000.
3. *Domhoff W.* Who Rules America? New Jersey, 1967.
4. *Domhoff W.* Who Rules America? Power and Politics in the Year 2000. London-Toronto, 1998.
5. *Kerbo H.* Social Stratification and Inequality. New Jersey, 1996.
6. *Миллс П.* Властвующая элита. М., 1959.
1. *Domhoff W.* The Powers That Be. Process of Ruling Class Domination in America. New York, 1979.
8. *Watson R.* Promise and Performance of American Democracy. New York, 1972.
9. *Hunter F.* Top Leadership, USA. Chapel Hill, 1959.
10. *Domhoff W.* Who Really Rules? New Haven and Community Power Reexamined. New York, 1978.
11. *Prewitt K., Stone A.* The Ruling Elites. Elite Theory, Power, and American Democracy. New York, 1973.
12. International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1968. Vol. 5.
13. *Dye T., Zeigler H.* The Irony of Democracy: An Uncommon Introduction to American Politics. Duxbury Press, 1992.
14. *Ландберг Ф.* Богачи и сверхбогачи. М., 1971.
15. *Domhoff W.* The Higher Circles & The Governing Class in America. New York, 1970.
16. Culture and National Character. Glencoe, 1961.
17. *Riesman D.* The Lonely Crowd. New York, 1953. P. 253.
18. *Keller S.* Beyond the Ruling Class. Strategic Elites in Modern Society. New Brunswick, 1991.